
НА ГРАНИ ВЕКОВ

Г. П. ГРЕБЕННИК

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В УКРАИНЕ: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ*

В статье анализируется политика памяти, проводимая в Украине на протяжении двадцати лет независимости. Политика памяти построена на использовании истории, но историей не является, хотя кому-то очень хочется представить ее таковой. Суть задачи, стоящей перед мифологами, – создать на основе исторического контента новую идентичность. Автор приходит к выводу о неудаче, постигшей мифотворцев от истории.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, конструктор исторической памяти, исторический нарратив, миф, мифология, мифомышление.

1

Прежде всего следует задаться вопросом: политика памяти – хорошо это или плохо? Можно, конечно, ответить уклончиво: хорошая политика памяти – это хорошо, плохая – плохо. Но если не кривить душой, то ответ будет отрицательным. Почему? Потому что политика памяти несет в себе тенденцию направленного перекоса истории в пользу преувеличения значения некоторых событий, которым придается символическое значение. Иначе говоря, есть исторические факты и события, которые назначают быть

* Статья подготовлена на основе выступления автора на XII международном семинаре «Этничность и власть: коллективная память и технологии конструирования идентичности», прошедшем 20–25 мая 2013 г. в Ялте.

главными, опорными в нашем сознании. К ним прилагается соответствующая интерпретация, чтобы мы, не дай Бог, не поняли их неправильно. Другие события отодвигаются на задний план или вообще выбрасываются из нарратива. Как тут не вспомнить известное изречение С. Сервантеса: «Тех, кто искажает историю, надо казнить как фальшивомонетчиков».

Российский историк А. Миллер считает: «...в политике памяти и в стратегиях построения идентичности ключевую роль играет образ врага (внешнего и внутреннего), когда собственная нация представляется в роли неизменной жертвы, когда осуществляется “экспорт вины”. Историческая политика на международном уровне выливается главным образом в требования, предъявляемые соседям, например, предлагается юридически закрепить признание тех или иных событий прошлого актами геноцида» (История... 2008).

Очень похоже на правду. Читаю заметку под заголовком «Украинский политик: Россия должна выплатить нам \$3 трлн за уничтоженных украинцев». В ней говорится следующее: «“Если за время советской власти было уничтожено от 20 до 30 миллионов украинцев, то Россия должна заплатить за все эти жертвы минимум по \$100 тысяч за каждого”, – заявил 12 марта в интервью изданию “Полемика” украинский политик, заместитель председателя Украинской республиканской партии, глава благотворительного фонда “Украина Русь” Ростислав Новоженец» (Украинский... 2012). Претензии такого рода очень осложняют современные отношения государств и народов.

Наша история – это продолжение в прошлое современного статуса и тенденции развития. То есть история выступает ретроспективной настоящего. Мы целенаправленно ищем в ней то, что нас интересует, и всегда находим то, что ищем. Политики требуют от историков логически выстроенное и «подстриженное» под определенную парадигму повествование того, что было, а если не было, то должно было быть. И вот здесь кроется ловушка, потому что на самом деле в истории никаких парадигм нет.

Лучший учебник по истории Украины уже написан. Его автором является канадский украинец Орест Субтельный. Его главное

достоинство – он написан без страсти, гнева, плача и холуйского придыхания к современности. Правда о прошлом, рассказанная по возможности объективно, – вот что нам нужно для нашей же пользы. В противном случае мы всегда будем иметь псевдоисторию, рассказанную мифологами с целью удовлетворения национальных комплексов. Такое отношение к истории бесплодно с точки зрения самопознания, а именно для этого в первую очередь нужен честный исторический нарратив.

2

Итак, политика памяти построена на использовании истории, но историей не является, хотя кому-то очень хочется представить ее таковой. В словосочетаниях «политика памяти» и «историческая политика» ключевым является слово «политика». *Конструктор исторической памяти – не историк, а самостоятельная профессия из политологического цикла.* К слову, у древних греков за память и историю «отвечали» разные музы – Мнемозина и Клио. Приспосабливать прошлое под реалии настоящего – это не современное ноу-хау. В начале отечественной истории был знаменательный эпизод. В результате восстания в Киеве в 1113 г. к власти в государстве «по просьбе киевлян» (замечательная формулировка!) пришел Владимир Мономах. Он переживал нелегитимность своего княжения: захватил власть не по праву, как какой-то варяг, поэтому дал задание монаху Нестору сочинить летопись, куда последний поместил легенду о призвании варягов на Русь. (Возможно, это было сделано не в первой редакции, поэтому последовали еще две.) Ну, раз можно призывать варягов на княжение, то почему бы не призвать знаменитого русского князя?

Этика историка не позволяет ему преследовать внешнюю цель. Политруки от истории занимаются моделированием исторической памяти по принципу «что хотим помнить, то и помним, а что хотим забыть, то и забываем». Важно не то, что было на самом деле, а важно *то, что мы думаем* о том, что было на самом деле. Это что-то очень знакомое. Конечно! Об этом писал Джордж Оруэлл в знаменитом романе «1984» применительно к системе управления

в тоталитарном государстве. «Кто владеет прошлым, тот владеет настоящим» – так формулировался один из основных принципов управления в таком государстве. В этой сомнительной с нравственной точки зрения, макиавеллистской по существу позиции кроется большая угроза. Мораль отдельного человека и целого государства – это всего лишь действующие мини-модели вселенского кармического закона, определяющего судьбы цивилизаций и всех миров, в которых существует разумная жизнь. Кант назвал этот онтологический закон *категорическим императивом*.

3

Все, что сказано выше, не означает, однако, что от политики памяти можно отказаться. Любой коллектив от семьи до нации нуждается в коллективной памяти. Она служит важнейшим **средством самоидентификации**, определения принадлежности единицы или части к целому. Проводимые с этой целью государством и другими политическими субъектами мероприятия называются *политикой памяти*, или *исторической политикой*. Идентичность понимается как самоопределение субъекта, его знание о групповой и индивидуальной принадлежности к определенной истории, которая актуально переживается в памятные дни выдающихся исторических событий или лиц.

Что мы знаем на самом деле и во что верим, будто знаем, – все это существует в нашем сознании нераздельно. Можно ли с уверенностью утверждать, что мы имеем дело с научной историей или с мифом, умело сконструированным на основе фактов? Думаю, нет. В любом историческом тексте есть мифологический аспект. В любом качественном историческом мифе есть историческая правда. История важна для нас *лишь* возможностью интерпретации настоящего, как повод утверждать, что «так всегда было», что «наши предки завещали нам» и в том же духе.

Автор ни в коем случае не отрицает колоссальной роли мифологии в современной жизни. Он написал целую книгу, чтобы показать, что мифотворчество суть самозаконная форма мышления, что из мифа мы можем выпасть, только впадая в другой миф, что чело-

вечество десятки тысяч лет жило в мифодоминантную эру, и все наши культурные ресурсы, включая язык, архетипы и стереотипы, сама возможность креативного, «быстрого» мышления (озарение, прозрение, интуиция и т. п.) – все оттуда, из археологических слоев нашего подсознания (Гребенник 2011).

То, что является достоинством мифа – его целостность, отказ от раздвоения мира на сущность и явление, субъект и объект и т. д. – наукой выдается за примитивизм, невежество, древний способ мышления, присущий человеку с неразвитой логической функцией. Однако именно благодаря мифологическому способу мышления мы получаем возможность оперировать такими сверхъестественными понятиями, как *коллективные души*. Ни одна научная теория так и не смогла удовлетворительно объяснить, что такое, например, «национальный дух», «национальная идея». Нация представляет собой коллективный индивидуум, идентичность которого неподвластна времени и поэтому является чем-то сверхъестественным. Ее история всегда современна, поскольку современна сама нация, так как нация и ее история являются одним и тем же. Принадлежность к ней определяется не субъективной диспозицией, а судьбой. И эту неслучайную, роковую связь со своей нацией человек ощущает и поддерживает в своей душе мифическим способом.

Есть факт и есть миф. Переход от факта к мифу есть интерпретация. Интерпретация рождает миф. Творя современную мифологию истории, нельзя быть абсолютно беспардонным в интерпретации фактов. Чем, собственно говоря, историки занимаются? Они все время ходят по цепи фактов, как пушкинский ученый кот, проверяя ее надежность и достоверность с точки зрения нашего представления о «правде истории». Если мы занимаемся этим добросовестно, самокритично, искренне стремясь понять прошлое из нашей современности, то мы – историки, если нет, если у нас есть план целенаправленно использовать историю, то мы – мифологи (идеологи) или, как сейчас принято выражаться, специалисты *по политике памяти*.

Известный украинский историк Ю. Шаповал пишет: «Ученые оберегают сферу исторической памяти от директивного вмеша-

тельства политики» (Шаповал 2012: 18). Если бы это было так! У любой власти есть свои историки. Некоторые, особо «талантливые», умудряются быть своими для каждой власти. «Консерваторы» (по терминологии Ю. Шаповала) в их число не входят по определению. Но дело даже не в этом. Призыв не политизировать историю, а оставить ее историкам является утопическим, потому что среди самих историков произошло разделение и по политическому, и по нравственному основанию. Профессия историка требует мужества. Для меня примером историка является Н. М. Карамзин, который отстаивал свою позицию в жестком споре с Александром I. Причем эта позиция была консервативнее, чем у царя.

4

После развала Советского Союза вновь возникшие государства в срочном порядке решали проблему собственной идентификации путем написания национального исторического нарратива. Прежняя историография была основана на двух мифах – русофильском (мифологема: русский народ – объединитель всех народов СССР) и советском (мифологема: с Великой Октябрьской революции началась новая эра в истории человечества, и начали ее мы – советские люди). Конечно, она, вошла в острое противоречие с новыми политическими реалиями. Национализм – это первая естественная реакция на отделение друг от друга. Поэтому новые историографии писались исключительно на базе националистического мифа, который как никакой другой подчеркивает идею национальной исключительности, рассматривает национальную независимость как высшую ценность и болезненно фокусирует внимание на национальных различиях, обидах и претензиях. Таковые к России-матушке накопились в немалом количестве. Стоит ли говорить, что эти исторические нарративы вызывают снисходительное отношение в либеральной Европе, поскольку здесь понимание ситуации смешивается с неприятием национализма как идеологической основы мировоззрения?

Первые двадцать лет независимой Украины, за которые выросло новое поколение, прошли в поисках нарративной идентичности.

Мифологический подход к истории основан на представлении о вечном возвращении одного и того же в разных исторических одеяниях. С точки зрения этого подхода Украина была всегда, поэтому исторические мифологи стали немедленно ее обнаруживать в незапамятные времена и в тех местах, куда не ступала нога человека, но зато ступала нога мифических укров. Анекдотический период наступил во времена «самого украинского президента». Ю. Шаповал считает, что В. А. Ющенко «пытался играть, так сказать, историко-политического Фигаро» (Шаповал 2012: 17). Ничего подобного. Гюстав Флобер о героине самого известного своего романа сказал: «Мадам Бовари – это я». Точно так же президент Ющенко «разогревал» историю, сигнализируя обществу в юбилейные даты: Петлюра – это я; Бандера – это я; Мазепа – это я. Ющенко прославился своими указами и речами, в которых отражены его личные представления об истории Украины и историзме как принципе понимания прошлого. Особенно привлек внимание его тезис, что все, кто так или иначе участвовал в борьбе за независимость Украины, достойны уважения и отличия. В этой связи Ющенко дал повод шутникам распространить в Интернете Указ президента Украины о присвоении князю Владимиру Святославичу *за выдающиеся заслуги в розбудові незалежної держави* ордена Святого Владимира (посмертно).

5

Как ни странно, самой сложной проблемой для украинских нарративщиков оказалась задача более-менее объективно вписать в историю Украины советскую эпоху. Дело в том, что нынешняя Украина с точки зрения территории, кадров и политической культуры целиком и полностью вышла из УССР, как богиня Афина из головы Зевса. Член КПСС, секретарь ЦК КПУ по идеологии Л. М. Кравчук – первый президент независимой Украины. Член ЦК, парторг, а затем и директор крупнейшего на территории СССР ракетного завода Л. Д. Кучма – второй президент Украины. Это – первый ряд. Если углубиться в изучение биографий государственных и региональных деятелей независимой Украины второго

и третьего рядов, то и они вышли из советско-партийной номенклатуры. Придуманый идеологами миф о национально-освободительной борьбе украинского народа против советской империи рушится под напором непритязательной правды – в 1991 г. победила украинская бюрократическая революция, выступавшая под национальными лозунгами.

Такая правда власть не устраивала. Поэтому советскую эпоху вырезали, как кусок из киноленты, оставив только сталинщину, ГУЛАГ и Голодомор, призванные символизировать и закрасить собой в траурный цвет всю эпоху¹. Но где, в каком месте склеить, чтобы организовать историческую преемственность, – вот проблема для нарративщиков. Сначала эта преемственность естественно усматривалась в Украинской народной республике 1918–1920 гг. Но со временем к этой идее охладели, и сегодня М. Грушевского и В. Винниченко практически не вспоминают. Почему? Думаю, во-первых, они были «мягкотелые интеллигенты», во-вторых, они были социалисты (этот идейный ряд в сегодняшней Украине очень не приветствуется) и, наконец, они проиграли, «профукали» страну. Не хотелось вести свою родословную от проигравших.

Затем наступил период увлечения казацким фольклором. Особенно активно «казаковал» Ющенко, установивший мистическую связь через века со своим предком-гетманом. Находясь «на связи», он транслировал обществу, что есть Украина в своей первозданной ментальности. Но и здесь не сложилось. Украинские казаки так же далеки от европейской истории, как автор этой статьи – от мысли занять место президента Украины. Назвать Запорожскую Сечь ка-

¹ Насколько это верно, я имел возможность убедиться на самом семинаре «Этничность и власть». Один нерядовой участник дискуссии воспроизвел полубившуюся нашим либералам мифологему: «СССР – это Верхняя Вольта с ракетами». (Выражение приписывают канцлеру ФРГ Гельмуту Шмидту.) В ответ ему напомнили, что фраза «Верхняя Вольта без ракет» характеризует современную Украину. Ясно, что государство, полвека противостоявшее всему Западу, имело развитую науку и технологию, индустриальное производство. Что касается социальных технологий, то здесь Запад тянулся за достижениями СССР. Этот господин, призывавший других держаться в рамках научного дискурса, в своей речи продемонстрировал замечательный эффект блокирования логического мышления мифологемами.

зацкой республикой, то есть государством, мог только романтик, имеющий смутные представления в области политико-юридических понятий. Да и население крупных городов Украины не чувствовало актуальной эмоциональной связи с казачеством. Это слишком далекая, мультфильмовская история, сливающаяся с былинными подвигами Ильи Муромца. И тогда на первый план вышла «история с ОУН-УПА».

В 2005 г., когда во всем мире отмечался юбилей – 60-летие победы над гитлеровской Германией во Второй мировой, для нас – в Великой Отечественной войне, в Украине установился «оранжевый режим», который взял резкий крен в сторону от России и всего того, что объединяет восточнославянские народы. Народная память о Великой Отечественной войне входила в число духовных ценностей первого порядка. Поэтому, выражаясь словами Ю. Шاپовала, «когорты относительно молодых и немолодых незаангажированных исследователей» предложила новой власти свою концепцию Второй мировой войны, которая является стержневой для всего украинского исторического нарратива. Суть этой концепции заключается в том, что Украина оказалась между двумя тоталитарными силами. И только ОУН-УПА, следуя ее же апологетической версии, воевала на два фронта – и против немецких фашистов, и против Красной Армии. Эврика! Украинская позиция найдена! «Между» – вот архетипическая судьба Украины, когда она находится в состоянии свободного падения. Потому последовало предложение новой власти заняться героизацией ОУН-УПА. Ющенко и его жену, известную сотрудничеством с самим Ярославом Стецько, в этой концепции устраивало все. Поэтому он не просто ангажировал этих историков, а сделал все от него зависящее, чтобы навязать стране именно такой взгляд на Вторую мировую войну и место Украины

в ней. Просто от него не все зависело: все-таки он имел дело с реальным народом, а не «з своєю нацією», с которой он медитировал в собственном воображении.

Регулярно в апреле и мае на одесских улицах появляются стенды с надписью: «Мы вернули правду истории». Подпись: «губернатор Матвийчук от Партии регионов». Если бы билборды с такой надписью появились во Львове, то они там тоже были бы восприняты положительно, хотя львовская правда кардинально отличается от одесской. Вот ситуация, которая наглядно иллюстрирует войну памяти в современной Украине. Эта война сосредоточена на переживании кардинально разных образов Второй мировой войны. А где война, там и фронт, острое противостояние двух сторон.

Мыкола Рябчук пишет: «В украинском национальном (“националистическом”) нарративе Вторая мировая – это война между двумя тоталитарными хищниками, относившимися ко всем другим народам и странам сугубо инструментально. Украинцы в этой войне выбирали меньшее зло, которым в итоге оказался большевистский Советский Союз, – хотя в самом начале для многих украинцев это не было столь очевидно, а посему и осуждать их только за противоположный выбор нет оснований. И уж во всяком случае нет оснований осуждать тех, кто, как УПА, воевал и против нацистов, и против большевиков» (Рябчук 2007).

В этой цитате многое от лукавого. На самом деле никакого «украинского выбора» не было. С самого начала все были на «своих местах». Миллионы украинцев Советской Украины в составе Красной Армии и в тылу вели Отечественную войну. Несоветская Украина, естественно, в Отечественной войне не участвовала. Известно, что по количеству абсолютных потерь во Второй мировой войне Украина находится на втором месте после России. По относительному количеству потерь (19 % от довоенного населения) Украина занимает третье место после Белоруссии и Польши. Речь идет о миллионах жизней. Спрашивается: эти жертвы принесены на алтарь Отечества или нет?

Ю. Шаповал считает, что Великой Отечественной войны не было, поскольку эту идеологему придумал сталинский академик Емельян Ярославский (Шаповал 2012: 10). Ну и что? А слова песни «Вставай, страна огромная...» (другое название – «Священная вой-

на») написал сталинский поэт В. Лебедев-Кумач (они были напечатаны 24 июня 1941 г.), музыку к ним – сталинский композитор А. Александров. Самый знаменитый плакат времен Великой Отечественной войны «Родина-мать зовет!» создал сталинский художник И. Тоидзе в конце июня 1941 г. Не только Ярославский, но и многие другие *почувствовали и выразили* характер и дух начавшейся войны.

Других писателей, композиторов, художников и академиков тогда не было. М. С. Грушевский тоже был (страшно сказать!) сталинским академиком: в 1929 г. он был избран действительным членом АН СССР. Стоит ли сомневаться, что его кандидатура была одобрена «самим»? Право, какие пустяшные аргументы пускаются в ход, чтобы поставить под сомнение событие колоссального исторического значения. Дух и характер Великой Отечественной войны являются таким же историческим фактом, как победы на Волге и под Курском, красное Знамя Победы над рейхстагом. Переоценки этого факта – это уже сегодняшняя история, вернее, акт современной политической борьбы. Образы той войны будут меняться, усложняться. Историки, настроенные на понимание, работают над этим. Но генеральный образ священной войны – образ народа, поднявшегося на защиту Отечества, движимого благородной яростью, – этот образ будет неизменным. Великая Отечественная война и Победа в ней – абсолютная ценность нашего народа.

И дело здесь не в стереотипах сталинско-брежневской историографии, не в «агрессивных консерваторах, которые идеологизируют и мифологизируют эту проблематику», как пишет Ю. Шаповал (2012: 13) – идеологизирует и мифологизирует ее и тот, кто мнит себя прогрессивным, незаангажированным историком, – а в том, что вопиют могилы погибших на фронтах Отечественной войны. Семейная память миллионов хранит подвиги дедов и прадедов. Это именно они сломили хребет немецкому фашизму и остановили реализацию чудовищных планов нацистов по истреблению целых народов.

Многие открытия и достижения в советской литературе, музыке, песенном творчестве, кино, науке были напрямую связаны

с грандиозными и трагическими потрясениями Великой Отечественной войны. Между прочим, советские писатели и мастера кино раньше историков пытались честно сказать «правду о войне». Достаточно назвать имена В. Некрасова, В. Гроссмана, В. Быкова, Ю. Бондарева, А. Рыбакова, недавно ушедших А. Германа-старшего и В. Тодоровского. Огромный корневой пласт нашей культуры связан с памятью о войне. На нем воспитывается человек, завязывается личность. Вырвать этот пласт – значит организовать для нашего народа культурную катастрофу.

Если вы пишете историю того времени, так будьте добры вжиться в сознание тех советских поколений, которые были не глупее нашего, но жили в своем времени со всеми его условностями. Вы указываете на его мифологичность и заидеологизированность. Это верно для вас. Поскольку вы критикуете сталинский миф, он *для вас* как реальность не существует. Но не для советских людей, которые точно *знали*, что они ведут *Отечественную* войну. В конце концов, и сталинский режим вынужден был с этим считаться. Отсюда, как верно было отмечено, серьезные коррективы в пропагандистской работе.

Критиковать один миф, находясь в другом, – значит грубо нарушать принцип историзма. Для историка это недопустимо, зато для конструктора исторической памяти – это самый распространенный прием.

«...Пришло время ревизовать один из основополагающих постулатов – об освобождении Украины. В 1944 году такого освобождения, по сути, не было, а было **изгнание нацистов с территории Украины**», – писал в «оранжевом» 2005 г. Ю. Шаповал. А кто спорит? Ежегодно 10 апреля мы отмечаем День освобождения Одессы от немецких и румынских оккупантов. В советское время – только от немецких фашистов. Это не потому, что мы не знали про румын. Это была дань советской политкорректности, поскольку Румыния была социалистической страной. Грехи Болгарии и Венгрии тоже замалчивались во имя «дружбы» (еще один эвфемизм, который нельзя понимать буквально). На какое другое освобождение намекал Шаповал? Погибшие и ветераны Великой Отече-

ственной кровью своей заплатили за освобождение Украины, а сейчас их кое-кто смеет называть «оккупантами» и даже «фашистами», поскольку они-де воевали в «сталинской» Красной Армии. Кое-кто решил, что проигравшие могут одержать победу над победителями в памяти поколений внуков и правнуков. Может, поэтому возникает впечатление, что сегодняшние учебники истории написаны реваншистами.

«Не надо лукавить, – пишет Ю. Шаповал, – СССР вступил во Вторую мировую на стороне нацистов, а уж потом, в 1941-м, страшной ценой пришлось расплачиваться и “исправлять” недостатки бестолковой сталинской тайной дипломатии» (Шаповал 2012: 10). В тон этой тираде хочется сказать: не надо лукавить, такой была вся европейская дипломатия того времени. Прежде чем подписать «печально известный договор с Гитлером», советская дипломатия вела переговоры с Францией, Англией, Польшей и Чехословакией. Но они не хотели иметь дело с красным диктатором Сталиным, предпочитая налаживать диалог с «европейцем» Гитлером. А еще была Испания, где с фашизмом сражался Коммунистический интернационал. Не случайно страны коричневой оси назвали свой пакт Антикоминтерновским. Это был сигнал для либеральной Европы: будем воевать с мировым большевизмом, с Россией.

Продержавшаяся полвека конструкция послевоенного мира, и прежде всего Европы, есть результат договоренностей великих держав-победительниц. Среди них не было ни одной европейской страны, кроме островной Англии (Франция – номинальная победительница). Судьбу Европы и европейцев фактически решили Сталин и Черчилль. Вот что вышло из европейской политики и дипломатии 30-х гг. Сегодня конструкция послевоенного мира полностью разрушена. Посмотрим, как объединенная либеральная Европа справится с современными глобальными вызовами. Трагический опыт XX в. показал, что до сих пор ни с одной серьезной проблемой она не справлялась.

Исторический миф – это политическое оружие. Деконструкция политического мифа состоит в том, чтобы ответить на вопросы:

кому он выгоден и как он решает вопрос о власти. Миф, который распространяет группа «незаангажированных историков», работает на националистов. Бандеризация всей страны – это их лозунг. Их патриотизм замешан на ксенофобии и крови.

7

Политика памяти В. А. Ющенко не увенчалась успехом. К концу его правления ситуация стала напоминать Руину XVII в., когда две Украины встали друг против друга. Поэтому группа «молодых и немолодых историков» решила изменить тактику. В результате их усилий родилась книга, сборник статей украинских и зарубежных историков под названием «Сучасні дискусії про Другу світову війну» (2012). В правом верхнем углу девиз: «Історія заради примирення». «История ради примирения» – это, безусловно, политический проект, а не «историческая инициатива», как позиционировали его участники. Авторы предисловия Я. Грицак и П. Кендзьор солидаризовались с высказыванием А. Михника: «Лучше насилловать исторический канон, нежели терпеть насилие в истории» (Сучасні... 2012: 4). Высказывание очень сомнительное с точки зрения ученого-историка, но симпатичное с точки зрения политика. Здесь моментом истины является фигура львовского политика с диссидентским прошлым – П. Кендзьора. Он хорошо известен в Украине как последовательный националист, и если он подписался под этим проектом и выступил одним из его редакторов, то можно не сомневаться, что никакого исторического примирения на самом деле в нем нет, но под видом примирения проталкивается западноукраинский взгляд на Вторую мировую войну. Это напоминает польский проект создания греко-католической церкви, чтобы под видом примирения с православием протолкнуть на украинских землях католицизм как предпосылку колонизации местного населения. Во всей Украине борьба с ней стала идеологической основой освободительного движения, и только в Западной Украине она стала национальной церковью.

Книга «Современные дискуссии о Второй мировой войне» начинается статьей все того же Ю. Шаповала. Видимо, она носит

программный характер. Собственно говоря, выше я критиковал ряд положений именно из этой и еще из одной статьи этого автора за 2005 г., поскольку полагаю, что он на сегодняшний день является одним из ведущих в Украине конструкторов коллективной памяти о войне. Если в «оранжевой» статье 2005 г. Ю. Шаповал сожалел, что «прогрессивным» историкам приходится лавировать между старым, советским, и новым, украинским (легко узнаваемым по западным стереотипам времен холодной войны), подходами, то в статье 2012 г. он директивно наставляет учителей не идеализировать деятельность этих структур (ОУН и УПА. – Г. Г.), но в то же самое время «принципиально важно не идеализировать деятельность ВКП(б) и действия Красной (потом Советской) Армии» (Шаповал 2012: 11). В статье эта цитата дана в разрядку в силу ее важности. Это, вероятно, и есть новый шаг, направленный, по мысли автора, на примирение двух подходов. Слово «идеализировать» здесь неуместно. После того, что было сказано о деятельности сталинского руководства, особенно в 1941–1942 гг., вряд ли кому

из вменяемых придет в голову этим заниматься. Современному украинскому обществу не нужны ни сталинизм, ни бандеровщина, ни какой-либо еще вариант тоталитаризма. И если бы у бандеровцев что-либо получилось, то вариантов Волынской резни было бы множество. Ибо это был никакой не «эксцесс», а программная акция. В ОУН планы этнических чисток появляются начиная с 1938 г. (Зайцев 2012: 143). А получиться у них могло только при одном условии – победы Гитлера над СССР. Поэтому День Победы 9 Мая стал днем их поражения, краха всех их планов. Дальше была агония. Логично, что их наследники в Западной Украине отказываются отмечать День Победы. Это их право. Но ставить рядом бойцов Красной Армии и вояк ОУН-УПА нельзя. У них разный статус. Они вели разные войны.

ОУН-УПА проходит по разделу «попутчики Гитлера». Она вела войну за создание украинского независимого государства. Сказать, что оуновцы взяли за основу модель тоталитарного, этниче-

ски чистого государства – значит ничего не сказать. Предполагалось провести чистку и среди украинцев. Те из них, которые «дискредитировали» себя связью с евреями, поляками, русскими и коммунистами, подлежали ликвидации. Одни вожди (Стецько) полагали, что таких будет треть украинцев, другие (Бандера) – до половины. У бандеровцев было присловье: «Греба крові по коліна, щоб настала вільна Україна». Террор стал их основной тактикой борьбы

за державность. Они ставили своей задачей подавить жестокостью и беспощадностью не только врагов украинства, но и украинское население, эту пассивную, слабовольную, не имеющую высоких целей и идеалов массу. Посредством террора, развращающего душу страхом и смертным грехом убийства, вино освобождения переработалось в укус неконтролируемой ненависти к «врагам нации». *Бандеровщина – это украинская бесовщина.* Бывший оуновец, вице-президент Украинско-американского координационного совета Евгений Стахив в интервью сделал красноречивое признание: «Галичане не могут избавиться от нравственной увечности бандеровщины, и это является их бедой в частности и Украины

в целом. И хотя галицкая элита – ученые, писатели, интеллигенция – в большинстве своем придерживается либеральных взглядов, ее голос заглушает горстка невежд, крикунов, горе-патриотов» (Гребенник 2010).

* * *

Первые двадцать лет независимой Украины прошли в поисках единой украинской идентичности. Судя по опыту Моисея, предстоит еще двадцать лет подобных поисков, и не факт, что нам повезет, как библейским евреям. Как показал опыт первого двадцатилетия, ставка на националистический миф в политике памяти в Украине не оправдывает себя в силу того, что он слишком искажает реальную историю, не отвечает современным политико-экономическим реалиям, несет в себе много негативной энергии, блокирует перспективы развития и, главное, не соединяет, а

разъединяет находящуюся в процессе становления полиэтническую украинскую нацию. Что касается единой идентичности, то ее ведь можно выстраивать не только из прошлого (ретроспективы), но и из будущего (перспективы). В этом отношении качественный миф был бы весьма полезен.

Украинский исторический нарратив должен представлять собой многосложный и многослойный текст. Автор в целом разделяет концептуальный подход к проблеме изложения истории Украины в статье К. Бондаренко. Он, в частности, пишет: «Для истории Украины не должно быть “неудобных” моментов, которые некоторые историки пытаются вычеркнуть из истории или приписать действию внешних сил. И масоны, и коммунисты, и прочие якобы чуждые Украине явления на самом деле были порождением украинского социума и – следовательно – частью украинской истории» (Бондаренко 2004).

Украине, если она рассчитывает на будущее в составе территорий, доставшихся ей в наследство от Советской Украины, нужна принципиально другая историческая политика. Прав российский историк Г. Бордюгов, когда пишет: «Умная историческая политика может проявить себя в том, чтобы наполнить великую и трагическую советскую эпоху человеческим содержанием, в контексте которого “войны памяти” становятся бессмысленными» (Бордюгов 2011) Политика памяти нынешних властей беспринципна, невнятна, порой вызывает недоумение, а иногда и возмущение. В этом пункте я наконец-то согласен с, как говорят знающие, «хорошим человеком» Юрием Шаповалом. С этой, политической, точки зрения нынешняя политика памяти в Украине может быть оценена как технология, успех которой приведет к гражданской войне и гибели этого государства.

Литература

Бондаренко, К. 2004. О национальной гордости малороссов. Финал. URL: <http://proua.com/analytic/2004/08/17/130741.html>

Бордюгов, Г. 2011. Войны памяти. По поводу каких дат и имен мы будем воевать на историческом фронте. *Новая газета* 60, 6 июня.

Гребенник, Г.

2009. История и мародерство. В: Гребенник, Г. П., *Интеллигенция и политика*: сб. статей. Одесса: Фенікс.

2010. Образы Второй мировой войны в современной идеологической борьбе в Украине. *Вечерняя Одесса* 86. URL: <http://vo.od.ua/gubrics/dalekoe-blizkoe/14432.php>

2011. *Миф и политика*: сб. статей и выступлений. Одесса: Фенікс.

Гриневич, В. 2012. Український вимір та пам'яті про неї. *Сучасні дискусії про Другу світову війну* (с. 50–64). Львів: ЗУКЦ.

Зайцев, О. 2012. ОУН і фашизм. *Сучасні дискусії про Другу світову війну* (с. 132–144).

История, историческая политика и политизация истории в Польше, Украине и России. Беседа с А. Миллером. 2008. URL: <http://rodon.org/society-081219132551>

Рябчук, М. 2007. Культура памяти и политика забвения. *Отечественные записки* 1(34). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=34&article=1397>

Сучасні дискусії про Другу світову війну: зб. наук. ст. та виступ. укр. і заруб. істориків. Львів: ЗУКЦ, 2012.

Украинский политик: Россия должна выплатить нам \$3 трлн за уничтоженных украинцев. 2012. URL: <http://www.pegnum.pf/news/fd-abroad/ukraina/1508630.html?forprint>

Шаповал, Ю.

2005. Украинская вторая мировая. *Зеркало недели. Украина* 15. 22 апреля – 6 мая.

2012. Друга світова війна як предмет викладання, дослідження та суспільно-політичного інтересу. *Сучасні дискусії про Другу світову війну*: зб. наук. ст. та виступ. укр. і заруб. істориків (с. 8–18). Львів: ЗУКЦ.